

АРХИВ

ТВОРЧЕСТВО В. И. ВЕРНАДСКОГО И МУЗЫКА С. В. РАХМАНИНОВА: НА ПУТИ К ЕДИНСТВУ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА¹

Владимир Иванович Вернадский и Сергей Васильевич Рахманинов представляют собой неповторимое явление мировой культуры. В своем творчестве, научном и музыкальном, они выразили «чувство единства всего человечества» (Вернадский), его «боль и надежду» (Рахманинов). Оба были наделены способностью предвидеть. В напряженных ритмах современной им эпохи предчувствовали они мотивы надвигающейся грозы, всеокрушающей стихии, сметавшей близкие им идеалы общественного служения народу и представлявшей непосредственную угрозу творчеству «свободного ума свободной личности».

При жизни они не встречались. Но столько близких черт в их жизненной судьбе отразилось в их произведениях и открытых ими новых направлениях на пути к единству человечества, что представляется возможным, не погрешив против научной достоверности, рассматривать их судьбы совместно, как отражение общей судьбы и чаяний человечества.

Вернадского и Рахманинова незримо связывает Тамбовская земля. Здесь, в своем родовом поместье Вернадовка, Владимир Иванович разрабатывал (не сбывшиеся!) планы ведения образцового сельского хозяйства, писал чудные письма-поэмы своей невесте а потом жене Наталье Егоровне, обдумывал свои научные идеи о единстве Жизни и Космоса. Именно здесь, на земле тамбовщины, в течение около двадцати лет ученый осуществлял свой идеал служению народу в качестве земского гласного в Моршанске.

Окончательно выкупленная Рахманиновым в 1909 году и тем самым спасенная от разорения усадьба Ивановка, поместье Сатиных, родителей его жены, являлась для композитора источником его музыкальных вдохновений и любимым местом общения с миром природы. Обостренное восприятие природы, идущее из глубин его детства, от бабушкиной усадьбы «Онег» в Новгородской губернии, нашло в Ивановке благодатную почву и навечно запечатлелось в музыке. В Ивановке Рахманинов написал ряд произведений, обессмертивших его имя: Первый концерт для фортепиано с оркестром, «Литургию», циклы прелюдий для фортепиано (оп. 23 и 32), симфоническую поэму для хора с оркестром

---

¹ В разделе «Архив» публикуется выступление профессора А. Г. Назарова 2001 года на научной конференции «Учение В. И. Вернадского, музыка Рахманинова: путь в XXI век», сделанное в преддверии двойного юбилея — 140-летия со дня рождения академика В. И. Вернадского и 130-летия со дня рождения композитора С. В. Рахманинова. Текст приводится по изданию: Назаров А. Г. Творчество В. И. Вернадского и музыка С. В. Рахманинова: на пути к единству человечества // Учение В. И. Вернадского, музыка Рахманинова: путь в XXI век. Тамбов: Тамбовский гос. техн. ун-т. 2001. С. 11—15. Развернутая авторская концепция представлена в издании: Назаров А. Г. Ноосферная история России: от Вернадского до Рахманинова // Глобальная коэволюция сознания как ноосферная история: коллективная монография / под ред. Г. С. Смирнова и Д. Г. Смирнова. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2015. С. 206—234.

«Колокола», ряд замечательных романсов (среди которых знаменитая «Судьба» в исполнении Шаляпина), и другие шедевры.

Но не только внешнее, «географическое родство», сближает Вернадского и Рахманинова. Несмотря на различия в происхождении и воспитании, их объединяет ряд существенных внутренних черт, открывающихся при анализе их творчества: осознанная принадлежность к русской культуре как части мировой культурной среды²; опора на глубинные национальные корни научной и музыкальной мысли³; чувство историзма; «чувство единства всего человечества» — высказано Вернадским в качестве основы ноосферной концепции; «вселенскость» музыки Рахманинова, ее восприятие в разных уголках земного шара, постоянно растущий интерес к ней в разных странах способствует объединению людей.

Главное объединяющее начало лежит в восприятии Вернадским и Рахманиновым мира как целого, как природно-человеческой неделимой общности. Для творчества Вернадского это неоспоримо: он создатель общего учения о биосфере — планетарной оболочке Земли и переходе ее в ноосферное состояние под воздействием научной мысли, труда и опыта человеческих поколений. Целостность музыкальной мысли Рахманинова выявить значительно труднее. Здесь недостаточен, а нередко и противоположен, формально музыковедческий анализ его отдельных произведений, как это еще широко распространено в музыковедении. При таком анализе, даже и добротном, высокопрофессиональном⁴ целостность музыки неизбежно теряется. (Необходим, с нашей точки зрения, комплексный историко-научный и культурологический подход к рассмотрению всех ипостасей жизни и творчества гениального композитора).

Чтобы ощутить общечеловеческий характер музыки Рахманинова, ее обращенность к каждому человеку, ко мне, к Вам, нужно постоянно вслушиваться в нее: в идущую «от сердца к сердцу», как определил сущность музыки сам композитор, мелодию его романсов, фортепианных пьес, духовных песнопений, в сложную гармоническую насыщенность звуковых волн его симфоний и концертов, в подчиненный воле ритм с тончайшими оттенками интервалов, и тогда открывается то «невыразимое», по словам В. И. Вернадского, что свойственно только музыке, — особенной музыке Рахманинова, проникающей в сердце и навсегда западающей в душу.

Но чтобы понять истоки и побудительные мотивы его музыкального творчества и тем самым приоткрыть тайну «всечеловечности» музыкального гения,

---

² Вернадский подробно рассматривает роль русской культуры в ряде работ по истории научного мировоззрения в итоговой лаконичной форме — в «Крымских дневниках» 1919—1921 годов; Рахманинов в Зарубежье неоднократно подчеркивал, что он «русский композитор» и «пишет русскую музыку».

³ Вернадский подробно исследовал истоки зарождения научной мысли в России, написал большую работу о роли М. В. Ломоносова и цикл исследований о русских ученых; Рахманинов опирался на древние церковно-славянские песнопения — знаменные распевы и русскую церковную музыку (обиход), их творческая обработка содержится в основной теме Первой симфонии, в «Литургии», «Всенощной», «Симфонических танцах», в малых формах духовной музыки.

⁴ См., напр.: Брянцева В. Н. С. В. Рахманинов (1873—1943). М.: Сов. композитор, 1976. 645 с.; Брянцева В. Н. Фортепианные пьесы С. В. Рахманинова. М.: Музыка, 1966. 207 с.; Келдыш Ю. Рахманинов и его время. М.: Музыка, 1973. 432 с.

необходимо с научной доказательностью раскрыть и другие сущностные стороны его жизненной судьбы, переливавшиеся в музыку: влияние его тяжелого детства, разлада в семье, наложившего неизгладимую печать на формирование нравственного облика Рахманинова, его мировосприятия и отношения к людям; стремительное музыкальное развитие Рахманинова в юношеском периоде (до конца 1890-х годов), в котором, как и у Вернадского, сформировались все основные направления его творчества и написаны выдающиеся произведения (опера «Алеко», фантазия для оркестра «Утес», элегическое трио «Памяти великого художника» (П. И. Чайковского), циклы романсов, Первый концерт для фортепиано с оркестром, пьесы, фантазии и сюиты для фортепиано, Первая симфония; основные темы его эпистолярного (около 1500 писем) и литературного наследия (записи бесед, интервью, статей, заметок, воспоминаний); идейно-содержательную сущность его произведений с точки зрения того, что, какое содержание выражено в музыкальном произведении того или иного периода (в России и за рубежом), а не только как, какими формальными музыкальными средствами достигается выразительность и неповторимость музыки Рахманинова.

До сих пор слабо исследована природа видения, точнее, «слышания» Мира Рахманиновым. Известно, что композитор сочинял музыку не за роялем, а обдумывал музыкальные мысли (и все произведение) в голове, затем быстро записывал их в нотных тетрадах. Музыка, по его собственному признанию, постоянно звучала внутри него и прекращала на время звучать, как только он ее записывал, переходя к новым музыкальным темам и жанрам. Академик-музыковед и музыкальный писатель Б. Асафьев, знавший Рахманинова и оставивший о нем один из лучших музыкальных очерков⁵, в своих работах о творчестве композитора отмечал, что в период расцвета российского модернизма и декадентства он страдал от незаслуженных упреков в «старомодности», «отсталости», «салонности», но не изменил выстрадавшим им принципам композиторства, основанным на целостном видении мира, честности и душевном благородстве. Однажды Рахманинов, как и Вернадский, сдержанный в выражении своих чувств и не пускавший посторонних в свой внутренний мир, высказал свое программное отношение к искусству модного модернизма: «Не хочу ради того, что я считаю только модой, изменять постоянно звучащему во мне, как в шумановской фантазии тону, сквозь который я слышу окружающий меня мир». Он верил, испытывая сомнения и страдания, что выбранный им тон — не фальшивый, что в будущем его родной народ и мир услышат. Та же вера была свойственна и Вернадскому. Уже на склоне лет всемирно признанный академик записывает в дневнике: «Царство моих идей впереди».

Мне лично представляется, что наиболее полно восприятие мира как единого Целого отражено в его романах, взятых целиком, включая «Вокализ», в цикле прелюдий, Первой и Второй симфониях, Втором и Четвертом фортепианных концертах, симфонических поэмах «Колокола» и «Остров мертвых», в лебединой песне, венчающей его творчество, гениальных «Симфонических танцах». Может быть, рискну предположить, именно чувство единства Человека (человечества, с его болью и тревогами) и Природы как Праматери и охранительнице Жизни — а это и есть открытое Вернадским экологическое единство

---

⁵ Асафьев Б. В. Рахманинов // Асафьев Б. В. Избранные труды. М.: АН СССР, 1954. Т. 2. С. 289—312.

всего живого в биосфере — присуще всей музыке Рахманинова. Иначе как понять отмечаемые многими музыковедами ладо-тональные «задержки» основной и побочных мелодических линий, неторопливые, а затем постоянно нарастающие в звучности гармонические валы-«наплывы», придающие медленным частям его симфоний внешне созерцательный, но внутренне динамический, величественный характер. Мысль и чувство Рахманинова словно отрываются от сует и тревог быстротекущей жизни, устремляясь к Вселенной, к Космосу, в лоно Вечного, где царит «Невозмутимый строй во всем, Созвучье полное в Природе».

Тютчевский эпиграф «Мысль изреченная есть ложь» предпослан В. И. Вернадским к его «Биосфере». И столь же величественно, неторопливо, словно аккорды рахманиновского Второго концерта, звучит бессмертная музыка биосферы: «Своеобразным, единственным в своем роде, отличным и неповторимым в других небесных телах представляется нам лик Земли — ее изображение в космосе, вырисовывающееся извне, со стороны, из дали бесконечных небесных пространств. В лике Земли выявляется поверхность нашей планеты, ее биосфера, ее наружная область, отграничивающая ее от космической среды».

Для Вернадского музыка наряду с другими искусствами, религией и философией была необходимым условием развития научного творчества. Ученый изучал историю музыки, глубоко вдумывался в ее природу, в причины воздействия музыки, музыкальной гармонии («гармонии сфер Вселенной») на науку и процесс достижения научных результатов. В его дневниках, письмах к жене и к ученым, в «Мыслях и набросках» содержатся поразительные по глубине, ждущие своего часа — будущего анализа и осмысления — суждения о музыке как «языке невыразимого», ибо «мысль изреченная есть ложь» (Тютчев), и музыкальный язык, отмечал Вернадский, может, не пользуясь образами, более ясно и точно выразить истинную мысль и чувство.

Кажется необъяснимым, но такова, наверное, природа творческого гения, насколько созвучны биосферно-ноосферные идеи Вернадского музыкальному языку и творческим устремлениям Рахманинова, искавшего пути объединения человечества через радость, страдание, неизбежную смерть и снова жизнь. В письме к Леопольду Стоковскому, дирижировавшему «Симфоническими танцами», Рахманинов высказал только одно замечание: исполнение светлого Es dur-ного эпизода финала, идущего за Dies irae (мотивом смерти), нужно проводить быстрее и мощнее: «Сначала смерть, потом — Жизнь». В этом и заключена жизненная программа двух выдающихся Личностей, гениального музыканта и гениального ученого, — творить ради новой Жизни, для грядущих поколений объединенного, ноосферного, человечества.

А. Г. Назаров⁶

---

⁶ Назаров Анатолий Георгиевич — доктор биологических наук, кандидат геолого-минералогических наук, главный научный сотрудник отдела истории биологических и химических наук Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН.

Публикацией данного материала редакция журнала поздравляет Анатолия Георгиевича с 85-летием, желает крепкого здоровья, новых научных открытий в пространстве вернадоведения и ноосферологии.